

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
13 (76)

ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
И ЛИТЕРАТУРЫ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 5

число семитизмов (A. Guillaumont. *Sémitismes dans les logia de Jesus retrouvés à Nag-Hamadi. Journal Asiatique*, t. 246, pp. 113—123). Это позволило проф. Гийомону высказать предположение, что основной древнейший текст логий вышел из среды, родным языком которой был арамейский, более того, что это была среда иудео-христианская. Со своей стороны напомним, что иудаизмы отмечались исследователями синоптиков и в евангелии от Матфея, в котором изречения введены компактно, в нагорной проповеди. Поэтому возможно соображение, что если логики вышли из иудео-христианской среды, говорившей на арамейском языке, то их семитизмы, сохранившиеся в греческом тексте Матфея, были в наличии в той версии логий, которая еще не подвергалась гностической переработке. Нельзя не сказать и о другой среде, этнически и идеологически близкой кумранской общине, которая имела общие корни с ессеями, группой последователей Иоанна Крестителя. Эта община располагала многочисленными и разнообразными по своему характеру литературными произведениями. Возможно, что среда, в которой зачитывались кумранскими памятниками, была в какой-то мере связана и с иудео-христианской группой, которая жила в кругу эсхатологических и этнических идей, общих всему мощному идеологическому движению I в. на Ближнем Востоке.

Н. В. Пигулевская.

Otakar Klima. *Manis Zeit und Leben.* Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften, Prag, 1963.

Новая книга профессора Отакара Климы „Время и жизнь Мани“ представляет несомненный интерес для широких кругов историков. Автор попытался воссоздать биографию и определить среду, из которой вышел основатель новой религиозной доктрины, претендовавшей на мировое распространение, но принятой немногочисленными, хотя и страстными ее адептами.

Монография распадается на 12 глав, из которых первые шесть (до стр. 202) посвящены тому, что автор назвал „временем“ Мани, а вторая часть — его „жизни“ (стр. 203—532). Каждая глава содержит последовательный текст, за которым следуют обширные и очень ценные примечания, говорящие о большой начитанности и эрудиции автора. Такое расположение материала позволяет пользоваться книгой читателям разного уровня и для различных целей. Считая родиной Мани Вавилонию, автор посвящает именно этой провинции Ирана свои вводные главы и характеризует ее как область, где скрещивались различные культурные влияния благодаря ее центральному положению на перепутье многих дорог. Плодородие почвы этой части Междуречья также способствовало большой плотности населения, наличию городов с многочисленными

ремесленниками и торговыми рынками. Автором использованы археологические данные раскопок, документы, свидетельства греческих писателей и сведения талмудических памятников. Нельзя, однако, не отметить, что источники о жизни Вавилонии толкуются им расширительно, так как некоторые из них трактуют о других областях Передней Азии и лишь косвенно могут быть отнесены к Вавилонии.

В 3-й главе дано специальное деление общества времени Мани, в котором низшую ступень занимают рабы. В основу характеристики общества положены данные манихейской литературы, и здесь развиты положения, высказанные в свое время проф. Фр. Альтгеймом. Правильно положение, что политическое и социальное устройство находит отражение в исторических и философских построениях современников данного общества, но это представление не может быть упрощенным и иметь примитивный характер. Между тем это представление в рецензируемой книге принято несколько упрощенно.

Далее автор рассматривает этническую принадлежность населения западных областей Ирана, языки, на которых оно говорило, и их взаимное влияние (глава 4-я).

5-я глава посвящена вопросам идеологии. Религии времени Аршакидов, с одной стороны, сохраняли древние вавилонские традиции наряду с эллинистическими культами, оказавшими влияние на зороастризм, с другой стороны, здесь были распространены иудаизм и христианство. Смещение всех этих религий породило новую синкретическую концепцию манихейства (стр. 120—122). Автор стремится также показать пестроту населения, разнообразие занятий, профессий наряду с этническими различиями. Автор особо отмечает пропаганду и распространение буддизма в Иране (стр. 123, 146—150).

Как и многие предшествующие исследователи эпохи поздней античности, проф. Клима отмечает как наиболее характерную черту идеологии этого периода ее синкретизм и резко выраженный дуализм, а отсюда стремление найти „спасителя“. Сотеризм становится сущностью новых религий, их разгадкой. В этом свете автор рассматривает все гностические учения, связывая их с сектами „эбионитов“ и „баптистов“ (стр. 135—138) и особенно с „новыми, иудейскими“ учениями, известными из талмудической литературы (стр. 140—145). Общее „разложение нравов“ породило и апокалиптические настроения (стр. 177—186).

Краткие 6-я и 7-я главы дают представление о политической истории Передней Азии во время жизни Мани (216—276 гг.) и „как отражается окружающий мир, его содержание в учении Мани“, они повторяют некоторые соображения, уже высказанные автором в предшествующих главах.

Воссоздать биографию Мани чрезвычайно трудно, во всяком случае еще в ранней юности он был посвящен своим отцом Патаком в религиозные представления гностических учений (глава 8-я, стр. 218—219). Юноша имел „видения“ и был убежден в важности своей особой мис-

сии, которая ему предопределена свыше. Наиболее вероятно, что свою деятельность Мани начал 20 марта 242 г. при шаханшахе Шапуре I двадцати пяти лет (стр. 221). Выделить исторически верную основу биографии Мани трудно, потому что вся она легендарна (стр. 222). Опираясь на христианские источники о манихействе никак нельзя, так как они представляют собой полемику, таковы, в частности, Acta Archelai — „искусственная композиция“ биографии Мани, составленная с целью обратить поклонников его учения в христианство (стр. 228). Выдающийся интерес имеет Kephalaia, памятник, непосредственно связанный с Мани, вышедший из манихейской среды, сохранившийся на коптском языке. Нам представляется, что О. Клима недооценил христианские свидетельства о манихействе, которые, несмотря на их полемический характер, дают верное суждение о сущности самого учения Мани. Что касается Кефалаи, то представления этого памятника о христианстве имеют высокий интерес и позволяют судить о том месте, которое оно занимало в гностических учениях. Существенно, что Мани считал, что христианская церковь впала после ап. Павла в состояние ослабления, развала, и в качестве апостола был призван Мани (стр. 234), который вновь поднял ее на высоту (стр. 234—237). В числе предшественников Мани тот же памятник называет Будду на Востоке, Заратуштру — в Персии и Иисуса Христа. Особое внимание должно быть уделено представлению о связи Мани с духом, „параклетом“. Мы считаем, что было необходимо отметить неясность и двойственность манихейского учения, так как Мани является „апостолом“ Иисуса и в то же время ему представляется наиболее высокое и важное место основателя новой религии, которая была ему непосредственно сообщена „духом“, „утешителем“. Автор справедливо указывает на глубокую связь между Мани и „духом“, но для определения этой связи привлекает терминологию позднего памятника, каким является „Фихрист“, утверждающий, что Мани был земным „близнецом“ своего „небесного“ брата „параклета“ (стр. 237—238). Ступеней посвящения или просвещения Мани три: как человека, которому надлежит быть спасенным, вторая ступень после второго откровения ему сделала его спасенным, а когда он стал проповедником своего учения, то стал „спасителем“ (salvator). Эти ступени проходят и его последователи (стр. 240). В то же время должна быть отмечена близость буддизму на основании открытых в Турфане текстов, в которых Мани завершает, венчает их учение (стр. 241—243). Реформатором религии Заратуштры является тот же Мани, который задумал внести миротворение в Иране (стр. 244—247).

Большое внимание уделил Клима хронологии, он сопоставил все возможные варианты года рождения и время выступления Мани, которое с наибольшей вероятностью относят к 240/241 г. (стр. 248, 251, 252, ср. стр. 221). Очень разнообразны сведения о том, какая именно профессия была у Мани до того, как он стал проповедником, был ли он кузнецом,

сапожником (стр. 255), священником или даже епископом христианской церкви (стр. 256—259, 325). Все биографы Мани согласны, что после разрыва с Шапуром, наступившего вскоре после его выступления с проповедью, он находился в течение нескольких лет в странствиях (глава 9-я). Он отправился на Восток, посетил Индию, Кашмир, Туркестан, Китай. С этим связана традиция о географической карте мира, составленной им (стр. 320—327). Мани неоднократно назван „художником“, „зографом“, он известен как переписчик и иллюстратор книг (стр. 328—332); с манихейством получил распространение и шрифт, выработавшийся из арамейского алфавита. Автор уделяет внимание взаимоотношениям государства и новой религии. Шапур в течение некоторого времени был дружен с Мани и разрешил ему проповедовать из тех соображений, что это способствовало укреплению зороастризма как завершению дуализма (стр. 339). Однако через известное время новая религия встретила с враждебным отношением магов (стр. 340), и Шапур был вынужден из государственных соображений поддержать зороастризм в противовес манихейству (стр. 341—343). Возможно, что прав был Пюеш (Puech. *Le manichéisme*, p. 30), который связывал это с кровным родством Мани со старой Аршакидской династией, что противоречило интересам сасанидов.

Смерть проповедника была насильственной, об этом говорят все источники, он был долго в тюрьме и умер там.

Автор приводит многочисленные и различные варианты традиций, почти все они носят легендарный характер. Тем не менее Клима считает на основании ряда источников 20 марта 276 г. датой его смерти, а непосредственным ее виновником знаменитого магулата Картира (стр. 385—386).

Список трудов самого Мани и его ближайших учеников Клима дал в 11-й главе, где он обращает особое внимание на то, что именно манихейство оказалось „письменной“ религией, так как ее основатель считал важным, чтобы его учение было записано, и сам был автором ряда сочинений (стр. 401—403). Тщательно собраны выдержки из манихейской литературы, почти полностью пропавшей и утерянной. В этом случае автор еще раз показал свою эрудицию, знание большого числа древних и новых языков, на которых он прочитал и привел сведения об этом учении. Тщательность и острое внимание позволили ему сделать ряд выводов о самосознании Мани, который считал себя последним и самым совершенным в ряду всех пророков, свое учение спасительным и способным заменить все предшествующие религии (стр. 416—417), а его последователи, заимствуя широко из христианской литературы свои идеи, считали себя совершенными христианами (стр. 480). Автор справедливо рассматривает манихейскую литературу как часть синкретической, гностической, эсхатологической, широко распространенной на Востоке литературы, которую он называет „фантастической“

(стр. 433), в то же время он отмечает „рационализирующий“ характер той же „Кефалайа“ (стр. 448).

Однако в этой главе автор должен был более четко расклассифицировать свой материал. Источники, из которых были извлечены сведения о манихействе, необходимо было подвергнуть критическому анализу, дать представление об исторической ценности того или другого свидетельства, сохранившейся цитаты. Надо было также дать более отчетливо отдельные стороны идеологии манихейства, распределить эти сведения по проблемам, что значительно облегчило бы читателю освоить этот богатый материал.

Несомненный интерес представляет попытка охарактеризовать литературную манеру Мани в его проповедях, притчах, посланиях, письмах, отметить его поэтическое дарование (стр. 460—478).

Глава 12-я повторяет основные положения автора и его выводы, биографические данные и содержание дуалистического учения Мани (стр. 513—522). В качестве приложений даны хронологический список важнейших событий, список сокращений литературы, указатель имен и терминов, указатель греческих слов.

После книг Пюеша и Хеннинга монография О. Климы является новым шагом в изучении манихейства. В заслугу автору следует поставить тот широкий фон, на котором он трактует проблему, то, что ему доступны многоязычные источники, которые он щедро привлекает. Стремление найти для Мани и его учения среду, историческую обстановку, обстоятельства, оказавшие влияние на формирование новой религии, благодаря эрудиции автора увенчалось успехом. Хорошо показана этническая и религиозная пестрота западного Ирана, в котором возникло манихейство.

Следует, однако, отметить, что автором недостаточно подчеркнуто глубокое влияние христианства, несомненно большее, чем всех остальных религий, на формирование идей Мани. Общие эсхатологические и сотериологические моменты не связываются автором с глубокими социальными явлениями, с кризисом общественных отношений, породивших соответственно идеологические искания, недовольство, страх, тоску, ожидание „последних времен“ и острое желание найти выход, „спастись“. В своей монографии, посвященной Маздаку, Клима дал соответствующую социальную оценку этому движению, в согласии с точкой зрения, высказанной в наших работах. Нам представляется, что социальный вопрос сыграл важнейшую роль в идеологических исканиях того времени.

Книга О. Климы является ценным вкладом в историю сложного периода Передней Азии. Автор собрал огромный материал, поставил разнообразнейшие вопросы, дал широкий исторический фон и воссоздал биографию и учение Мани, дуалистические идеи которого глубоко и надолго проникли как на далекий Запад, так и на восток от Междуречья, где они зародились.

Н. В. Пигулевская.